

МАРИНА ЛЕВАНДОВИЧ
разгадка вечности
[короткая книжечка стихов]

Издание второе, дополненное и исправленное

2016

©levandovich

Стояла в супермаркете и смотрела на себя в стекло витрины. Так злилась. Зачем они мне челку так подстригли? Я так не ношу. Завернули еще вовнутрь концы, лаком набрызгали. У меня теперь лицо как у хомяка, еще и брови какие-то нелепые. Как Душечка чеховская, ей богу. Стою, глазками хлопаю, а тут еще каких-то черножопых привели с экскурсией, показывать рыб в аквариуме супермаркета. Я так и не поняла, что это было. Мне кажется, это какой-то новый бизнес у аферистов, иначе что это могло такое быть? Они там все бегают вокруг того аквариума, хохочут, потом плескаться начали. Потом им купили по треугольничку плавленого сыра и повели на кассу. Я только щас, пока рассказывала, доперла, что это какие-то гастарбайтеры. А тогда мне все казалось таким трагичным, что я уже невесть что подумала. Три остановки вспоминала, кто автор «Хижины дяди Тома», из головы вылетело.

У моей мамы как-то странно записаны мужчины в телефонной книжке: Коля Рыба; Виктор Печеньё; Андрей Глобино; Евгений – Мясная лавка. Ну она товаровед, просто, и так торговых представителей записывает. А папа записан просто Л. Леонид, то есть.

- А папа у вас кто?

- Папа у нас кондитер. Всю жизнь торты печет.

- Ну... Леонид Торт бы записала.

- Ну, знаешь, мне кажется, этим Л. она просто оградила себя от всех других мужчин. Да и как-то унижительно его под одну гребенку, знаешь ли... Леонид Торт – это все равно, что Виктор Печеньё. Вроде бы сразу этот Виктор Печеньё заимел на маму такие же права, как и папа – Леонид Торт.

- Ну тогда бы – Леонид Наполеон.

- Ой. Нет. Была у моего папы история там одна по молодости. Он в дурке от армии косил. Мама, наверное, этот момент тоже учла, потому и просто Л.

У ее матери две судимости, а отец рекетом занимался в 90-х. Ебать, семейка. Я ее когда привел с друзьями знакомится, мне Дэн говорит: «Костик, ты кого привел, блядь? Она ж так и смотрит, шо у кого спиздить». Но Лизка себя вполне прилично вела. Я переживал, конечно, у меня аж глаз к концу вечера начал дергаться. Но молодец такая, нормально все. Общалась со всеми, улыбалась, расспрашивала, кто, что. А вчера стали вспоминать этот вечер, и я ей в шутку говорю: «Ты прям воодушевленная такая была, истинная леди. Никого даже херами не обложила». И она выдала: я, говорит, приценялась, прикидывала, кого там можно прокидать. Карты надо с собой взять в следующий раз, сыграем? Глаз прищурила – вылитая гарпия. Новый Год, говорю, будем праздновать только вдвоем, а то все гости да гости, хочется, говорю, романтики.

Жарит рыбу, и с такой ненавистью ее бросает в сковороду, блин. Я говорю, мол, Таня, хватит уже. Я ни с кем там не обнимался на корпоративе, никого шампанским не угощал. Оно все и так было шаровое, чего бы я шаровым шампанским кого-то угощал? Не в моих это правилах жизни. А она все равно бросает бросает эту рыбу. Та аж поразваливалась. Нет, говорит, ты там всех зажимал и подпаивал, в надежде, что тебе кто-то даст. Ну ё-мае, Таня, говорю, никого не зажимал. И потом она расплакалась и говорит: «Просто обними меня и скажи, что сильно любишь». Я в шоке вообще. Люблю, говорю, сильно-сильно, дурочка ты. Я же никого кроме тебя... И едим эту рыбу разваленную, как в пещере. Она всхлипывает, а я говорю – смотри аккуратно с косточками, а она еще больше всхлипывает. А потом уже перед сном говорит мне: «Я тут прочла такую пословицу интересную, вот слушай: даже самая красивая девушка не может дать больше, чем у нее есть. Понял?». Конечно понял, говорю, ты у меня самая умная, начитанная.

Мы вышли из поезда, и он говорит мне: «Кать... Я наверное, дальше поеду без тебя. Мне кажется, я тебя разлюбил еще когда мы в Павлограде останавливались. Бывает же такое?».

Я охренела сначала, и думаю – что же я делала там, пока мы стояли в Павлограде? Да ничего особенного. Яйца почистила, на стол накрывала. Приглашала к столу соседей по поезду, а те отказывались. А он потом говорит: «Мне это напомнило детство, когда меня этими яйцами в поезде пичкали. Я как увидел, что ты их чистишь – пошел и выкурил сразу две сигареты. Аж дурно стало. У меня на яйца аллергия, причем, больше моральная. Нищета, блядь, вспоминается, как меня отчим бутылки заставлял сдавать, а мать цыганам мой любимый ковер продала. И мы все ездили в Кишенев за дешевыми винами и барыговали ими здесь, а в поезде яйца ели. Меня продуло от окна и фурункул вылез на жопе. Рубец даже остался. Показать?». Потом затрясло его так страшно и он говорит мне: «Катя, если ты хочешь быть со мной до гроба, не делай так больше, хорошо?». А потом мы пошли в Макдональдс возле вокзала, перекусили и все нормально уже, вроде бы. Взяли такси, приехали домой, я бегом все яйца в мусоропровод выбросила.

Этот мой ёбарь из Харькова... Ну, такой в очках, сутулый немного, помнишь? Недавно выпил лишнего и пишет мне: «Знаешь, Марина, мы все сдохнем. И ты, и я. И может быть лучшее, что у меня было в жизни – это наш акт любви, который я, к сожалению, не помню. Или к счастью». Представляешь, сволочь какая? Не помнит он. Да он все помнит. Он мне уже дважды пересказывал. Я всегда делаю вид, что уснула тогда и тоже не помню ничего. Просто, мы напились сильно, и мне по сей день стыдно, а уже 4 года прошло. И он мне постоянно говорит, что не помнит, а раз в год вспомнит и все перескажет до малейших деталей. Я вообще разозлилась вчера и говорю ему: «Ок. Это все детский сад. Лучше дай-ка мне тот рецепт пирога, который ты вчера расхваливал, типа сам испек, то, сё». И он мне полвечера писал рецепт по одному предложению и с конкретными паузами. Видимо, я его тоже очень задела. А потом вообще взял, сфотографировал тот свой пирог, вернее его остатки, и на аватарку поставил на Фейсбуке. Совсем дошел мужик.

Знаешь, у меня с отцом только две фотографии: вот мы с ним выходим из магазина, у меня два червячка железных на ладони, а у отца – пакет с сардельками. А на втором фото мы с папой лыжню прокладываем в детском саду. И лыжи у нас такие желтые, аж глаза выедает. И я когда смотрю на эти фото – всегда пытаюсь найти в его глазах хоть какой-то отцовский инстинкт, а он то на сардельки косится, то на лыжи. А я не в объектив смотрю, а ему в глаза все пытаюсь заглянуть, и на всех фото получилась из-за этого какая-то упоротая размытость. Мне теперь психолог моя говорит, что этим можно объяснить, почему меня тянет только на мужчин за пятьдесят. Я в них типа отца ищу, что ли. Но веришь, я себя с ними чувствую, как с отцом на фотографиях: я им в глаза гляжу, а они в супермаркете на мясном отделе согнутся в три погибели и хамон выбирают со всей ответственностью. Бывают же такие женщины с комплексом безотцовщины. Вот, это я.

На свидания ходим в съемную квартиру. Его мамаша меня называет однодневной блядью и не верит, что мы уже и заявление подали. А моя мама боится, что он по долгу службы на нее бумагу в налоговую накатает, за торговлю творогом в пределах РФ. Так мы уже без пяти минут муж и жена, а ебемся как любовники, на съемной квартире, какой кошмар. А сегодня утром он мне говорит: все, Лена, я так больше не могу, я иду на размен. И его мать как услышала про размен, так сразу невестку и признала. Целует меня, плачет. Говорит: господи, наконец-то этот шалопай будет в надежных руках такой прекрасной женщины.

Я смотрю постоянно его фотографии, раз в день обязательно смотрю. Там мы такие красивые возле водопада, такие яркие, глаза цветут, даже чем-то похожи. Я все думаю – что нам мешало сойтись? Пока молодые, энергичные, наслаждались бы совместной жизнью, все в удовольствие, все красиво. А у меня все равно предчувствие, что к старости сойдемся, и будем в шоке. Вернее, он будет в шоке, я нет. Я то знаю, что так и будет. Сойдемся в старости и будем морщины считать друг другу, вместо того, чтобы по гладкой коже бергамотовое масло растирать. Вот это будет номер. Я тогда уже лучше до сорока умру. Зачем мне такой удар в старости? Я уже буду с болячками, с гипертонией всякой, сердце неахти. Он меня обнимет, и я сразу умру. Проходим только всю жизнь, как два дурака, ради одного дня позора. Я уже и так смотрю по его свежим фото – залысины, кудрей смоляных как и не бывало. А старость вообще плешь до костного мозга выест. Это страшно, Аня. Это конец любви.

У нас в городе чем ярче тем богаче. Стразы всякие, розовые рюши. Один раз живем, ёлки. А что ваша столица? Понаряжаетесь в сэконд, все темно-синее, серое. Тьху. Стыдно в метро ехать. Не на кого и посмотреть. Да и что это за фокусы такие? Начнешь кого-то рассматривать – сразу нахер посылают. Мне однажды одна дама сказала: «Девушка, так пялиться будете на селючек в своей деревне. Это неприлично, что вы себе позволяете?». А я ей и говорю: «Знаешь что, было бы на что пялиться. Я вот как раз и смотрю, что нечего будет в деревне и рассказать. И вы, девушка, не гордитесь. Если не умеете одеваться – хотя бы на прохожих смотрите, советуйтесь. Что ж вы такая молодая и такая серая?». А потом повела меня Ксюша в этот хваленый Метроград, дак там такие цены. Я купила только шкатулку с фараоном, камнями усыпанную такую, знаешь, роскошную. Ну и еще несколько ремней под джинсы. Тоже такие яркие, красочные. А в остальном думаю, лучше в Шостку съезжу. Там и выбор лучше, и цены доступнее, и люди хоть такие приятные, приветливые. На вещевом рынке когда кто-то выбирает себе там курточку или обувь – весь рынок советует, подсказывает. Все останавливаются, разглядывают, волнуются, чтобы в плечах не жало. А в столице этой вашей упади посреди Майдана Независимости – переступят и дальше пойдут. Еще и ремень снимут и унесут обратно в Метроград, чтоб перепродать.

Страшный город, ей богу.

Ты поинтересуйся у нее, как это она так быстро себе машину заимела? То ничего не было, а то вдруг машина, единичка в центре со всеми удобствами сразу, фитнес, йога. Ходит на йогу в 36, дура. Лучше бы детей родила и жизнь свою им посвятила. Я так думаю, что она просто дает всем, у кого деньги есть, а потом аборты от них делает. А то иначе и не объяснишь, как это до 36-ти лет ни детей, ни чертей. Так же быть не может? В провинции-то... В провинции без семьи нельзя. Всегда несчастным будешь.

Ладно муж еще, но детей-то надо. Ради кого жить? А она все здрасьте-пожалуйста, все за границу мотается, на фестивали какие-то, на тренинги, тьфу, противно смотреть. Компенсирует утраченный материнский инстинкт. Я б таких стреляла. Как вспомню, какое счастье было, когда мой Максик впервые покакал. Я так плакала. Это ни с какими Индиями не сравнится.

Как она рыдала, когда он позвонил ей. Сразу так впечатлилась, что чуть мужа не бросила. Давай там все вспоминать, романтизировать. Даже на покраску записалась и брови выщипала в салоне. Ну он там ее на кофе пригласил, то да сё. Она там вообще чуть голову не потеряла. Ехала к нему на свидание под ту музыку, под которую он ее впервые пригласил на танец, а потом выебал прямо под кафе, и они еще потом от мусоров убежали бухие в сраку. Встретились, в общем, она так потела, говорит, от волнения. Все бегала в туалет и подмышки себе ароматизированным тальком присыпала. А потом он как начал ей втирать про всякие там эзотерические штуки, про колесо сансары, она так вдруг поникла, поникла. Пишет мне недавно: «Ой, он жирный такой стал, холеный. Ногти как будто наманикюренные, сумка «Lacoste». А в ней печенье с кунжутом, какое-то эзотерическое, и вода без газа. Тихий ужас. И чего я за ним так уссыкалась? Не понимаю. 10 лет ждала, страдала, а тут увидела и одного раза хватило, чтобы разлюбить. К тому же, он такой правильный стал, с ним уже все понятно».

Мы с мужем ездили в Харьков по делам, и остались ночевать, не успели на поезд. И я думаю – покажу ему город, я ж там училась на фармацевта. Поехали туда, сюда, он все спрашивает, спрашивает, а я оказывается ничего толком и не помню, кроме Алексея. Вот, говорю, Алексей здесь был и здесь тоже был. В смысле, мы вместе по Харькову когда-то бродили и он мне все показывал. А здесь мы с ним книжки покупали. Муж говорит, мол, так кто же такой этот Алексей? Ну чисто ради спортивного интереса? А я не успела придумать, как вдруг на стене по ул. Гиршмана написано мелом: «Здесь был Алексей». Муж почесал голову и говорит: «Хм, надо же, Алексей и здесь был. Великий, по всей видимости, человек».

Помнишь, был такой мультик – «Масяня»? Так вот она реально на эту Масяню похожа. И зовут еще Маша. Я думала, она такая задротка, то, сё. Сидит у нас в офисе такая тихая, про улиточек пишет, про домоводство. Мы на нее все самые дотошные рубрики кинули, а она аж кайфует от них, по-моему. И когда здороваается, как медок прям по ушам: «Здравствуйте», и глазки опускает, как целочка. А недавно гуляли на корпоративе в «Браме», и она, оказывается, всех хачей там знает. Потом вина выпила и пошла тереть с ними о жизни. «А как там Рафик?», - спрашивает, - оправился уже после той поножовщины? Да я понимаю, что не глубоко, но морально, знаешь... Бьет морально. Я его видела после того – он аж похудел». Мы там весь вечер сидели и ахуевали, в общем.

Он такой врач опытный. А еще большой, прям необъятный. Как медведь. У вас, говорит, фарингитик. И улыбается. И я стою улыбаюсь. Надо же, фарингитик. А то пойдешь в поликлинику, а там какая-то хабалка в белом халате как рявкнет: «Оце у вас фарингіт. Нада менше по холодіні скакати і одіваться харашо, платком подв'язуваться, ехінацею осінню пити, всьо такое. Оце двадцять гривень давайте сюда і йдіть додому лічіться». А он – фарингитик. И прям жить хочется. Даже с ним, а что тут такого? Представляешь, какой он заботливый, искренний.

В студгородке в Голосеево стоит памятник женщине с колосками. «Это, - говорит мне, - памятник последней девственнице сельхоз.академии». И смотрит так заискивающе. А потом еще придумал миф, что типа если мимо нее проходит непорочная женщина, то эта дама с колосками кланяется. И повел меня через дорогу. Я прям аж разозлилась. Демонстративно прошла мимо этого памятника и так же демонстративно обернулась. Ну че, говорю, не поклонилась? Нет, - улыбается во весь рот. Так мы и не на зоне, говорю, чтобы передо мной тут талию гнули. Заткнула его, в общем. Он как обосранный потом ходил сзади. А то посмотрите на него – он меня тут видите ли на непорочность проверяет. Была бы я не порочна – хуй бы я тут с ним шаталась по Голосеевским лесам. Хуй бы он вообще имел на меня какие-то виды.

Когда Виктора похоронили, я пришла домой и давай фотографии наши смотреть. Свадебные. И ни разу не всплакнула, представляешь? Вот что-то такое случилось со мной, что я даже слезу не пустила. Как деревянная полистала альбом и пошла делать кофе. А потом зашла в туалет, глянула на бачок, а он по-прежнему сломан. Так Витенька мой и не успел починить, хотя уже морально был настроен. И меня прорвало. Рыдала, чуть не захлебнулась слезами. Мастеров вызвала только через неделю. Все, знаешь, было такое ощущение, что откроются двери туалета, а тут на пороге Витя стоит с инструментом и улыбается, как Гагарин.

Я разных мужчин любила. И лысых, и кудрявых. И носатых даже любила. Носатый был самым запоминающимся. Он у нас на рынке колготами торговал. Я у него каждое воскресенье колготы покупала, плюс все такое, по этой части, вплоть до капроновых носочков. Он уже не выдержал и говорит: «Девушка, вы что – перекупщица?». Так я обиделась, не ходила к нему долго. А потом бабушка попросила привезти ей в деревню теплые гамаши. А такие гамаши я обычно только у него бабушке и покупала. Прошмыгнулась по магазинам, по всему рынку – ну нет таких, хоть убей. Я все никак не могла решиться подойти, а потом морду кирпичом и грубо так: «Значит так, мне гамаши вон те, с начесом. И больше ничего не надо». Так он так обрадовался. Говорит, мол, вы знаете, я уже места себе не нахожу. Где ж вы так долго были? Извинился, конечно, за тот выпад. Говорит, что не со зла, просто хотел позаигрывать. Так мы потом еще с ним встречались полгода. Я от его носа с ума сходила. А бабушка увидела его и говорит: «Ну, Алёна, у нас в роду носатых не было и не будет». И как приказала.

Когда хоронили его бывшую жену, я сказала:
- Сходи на похорон. Нельзя так. Тебе бы, например, было приятно, если бы все твои бабы пришли тебя проводить в последний путь.

На что он так вздохнул и говорит:

- Ну не знаю. Я за ней, например, всегда первый забегал перед школой. А она потом мне призналась, что всегда ждала, чтобы первым заходил все таки Алексей. А Алексей за ней так и не зашел ни разу.

- Ну вот видишь, он и сейчас не придет. А ты сходи. Ей будет приятно, там...

- Да ну, как-то...

Потом все таки побрился и поехал на кладбище.

Я опять с сестрой поссорилась, - шмыгает носом и курит. – Она меня кумарит со своими мудаками. Они ее выебут и пропадают.

А она рассказывает, что это любовь, мол, все уже, пипец.

Описывает своего очередного колхозника, как греческого бога, а на деле какое-то чувырло в гольфике, бабушкой связанном. Нет, я

ничего не имею против бабушек, но вот как она дает сразу первым встречным? Катя как дает. При чем тут бабушка? Не понимаю. Это ж надо иметь какой потенциал, чтобы себя так позиционировать. Ой, я опять как на конференции маркетологов. Профессиональная деформация, прости. Что я этим хочу сказать? То что мы две такие сестры с ней разные. Я стратег, трудоголик, понимаешь? Я вообще не могу слушать такое! Мы даже когда о чем-то серьезном говорим, она так и вставит свой продакт-плейсмент, из которого я лично только одно понимаю: она опять дала какому-то единственно ахуенному чуваку во всем мире, и теперь страдает.

Я на выходных страдаю. Даже голову не мою. Лежу больная от того, что дел нет никаких, пойти некуда. Куда тут в провинции пойдешь? В музей останков от войны? Нахуй оно мне надо. Зачем вообще такие музеи нужны? Это как если бы был «музей останков родственников твоего бывшего». Я их и живых стороной обхожу, а тут еще музей не дай бог.

Все старые стулья выбросили. Всю старую мебель. Завезли им все новое, говорим: папа, мама, ну хватит уже жить в этом совке, вы же достойны лучшего. А они как раз в это время ковер отвоевывали у нашего водителя, у Паши. Он молчаливый такой, плечистый, 180 см роста, взял его и сносит по ступенькам к выходу. Мы тот ковер на свалку хотели выбросить, а родители на Пашу набросились и ковер все таки отобрали. Отец Пашу еще и выругал матом, сказал, мол, ты, сопляк, тогда еще под стол ходил, когда я на этот ковер зарабатывал. В общем, поставили потом этот заветный узорчатый рулон в угол, под ночные шторы, и он теперь стоит там, как призрак жлобства и невыносимой сложности бытия. Мать вообще только недавно прекратила с нами бойкот.

Мы с ним решили устроить романтический ужин. Купили много коктейльных креветок и вина. И уже на середине вечера оба ходили блевать по очереди в туалет. Он мне говорит теперь, что это была проверка, насколько мы готовы поддерживать друг друга в сложных ситуациях. И действительно, когда у меня с работой не получалось, он не осуждал, терпел мои истерики. Я же деловая женщина, независимая финансово. Мне унижительно жить за счет мужчины. Но он мне все равно совал деньги на карманные расходы, мол, так правильно. Помнишь, мол, те креветки? А если бы меня не было рядом, тебе бы было сложнее с этим справиться. И я тогда уже брала деньги. Но не тратила все равно, а так, чтобы его не унижать. Он же мужчина.

Коллега с прошлой работы до сих пор дарит мне книги и цветные ручки. Помнит мою страсть к этому. А еще все время говорит, что если ты, Светлана, вдруг надумаешь разводиться с мужем – не имей меня ввиду. А то ему, видите ли, расхочется мне книжки дарить. И ручки. А ему приятно это делать женщине, которая ему недоступна. Черт их, мужиков, разберешь.

Ты знаешь, какая она? Вот она святая креативная женщина. Говорит мне: «Я люблю есть всю субботу. Вот все будни не ем, а всю субботу жру, как проклятая. В воскресенье разгрузочный день. И еще выпить могу в субботу. И закурить даже. А работа у меня все равно на первом месте, несмотря на такую, казалось бы, беспечность». Мы с ней уже дважды переспали, а я ее еще не разлюбил.

Я вообще на первое свидание с ним шла сразу после работы. Дай, думаю, по пути зайду в банкомат. А там зарплата. Вообще должна быть в двадцатых числах, а тут дали девятнадцатого. Я думаю – снимать, не снимать? Сняла. Не знаю, зачем. Взяла и всю сняла. В сумку положила, на самое дно. А тут он бежит с цветами, такой весь красный, горячий. И мы с ним пошли есть суши. Потом еще овощи на гриле. Ну и напились, естественно. Я поехала к нему, замерзла очень сильно. И когда дело дошло до самого интересного, я ему говорю: ты извини, но мне рано вставать, да и что мы в таком состоянии разберем в тайнствах совокупления? Он расстроился, нахмурился, постелил мне отдельно и говорит, мол, вещи вот сюда, на полочку можешь сложить. А я сумку сначала в ногах положила, а потом под голову. Так стыдно, кошмар. Но у меня там зарплата вся. Больше ни копейки нет дома. И я периодически просыпалась и сумку лапала, а утром подхватила и бегом такси ловить, чтобы не смотреть ему в глаза.

Я на третьем курсе хотел выебать стоматологичку. Ей 39, мне 19. Такая серьезная, женственная в то же время... Ну я пришел к ней под предлогом отбелить зубы, а она посмотрела на меня, потом зеркальце зачем-то достала, бровь расправила, вздохнула и говорит:

- Идите, молодой человек, у вас зубы и так белые. Не занимайтесь вы ерундой.

У нас вот в офисе все бабы на туфлях помешаны. Все как одна зарплату на туфли спускают, мол, в них легче подцепить самца. А мы с Георгием может быть и не познакомились, если бы я в туфлях была. Я тогда в Одессе отдыхала. Познакомилась с хирургами с Харькова. Они все свои запасы алкоголя привезли на курорты в таких голубых раскладных чемоданчиках, и всех приглашали с ними пить в «Аркадии». А я и не помню даже, как к ним примкнула. Помню только, как шлепанцы смыло волной, и я за ними ныряла с чьей-то водолазной трубкой на глубине по колено. Вся в песке, бухая, с трубкой, ныряю за шлепанцами, представляешь? А Георгий загорал на пирсе, вытянув руки. И я его еще тогда возненавидела. Думаю, вот мудака, спустился бы да помог. А он говорит теперь: «Ты знаешь, я не знал тогда, как себя вести. Я просто ахуел. Меня парализовало».

Я к нему переехала, а у него в шкафу куча чашек с женскими именами. Так взбесило, подхожу у него, скулы свело, но стараюсь себя держать в руках. Говорю: «Ну и что это? Как это понимать?». А он так безразлично махнул рукой и говорит: «Что, не нашла со своим именем? Ладно, завтра заскочу, куплю. Хотя погоди... Там же чашек с именем «Алёна» аж три, и все от разных производителей. Выбирай, какая тебе больше по душе».

Хожу на маникюр к девочке, и она постоянно мне включает диск со своей свадьбой. Я уже всех наизусть знаю, все лица уже как родные. «Меня вот расслабляет это видео, ты знаешь?», - говорит мне, и пилит неистово мои гелевые ногти. А у меня, говорю, нет свадебного видео. Я не люблю такое смотреть если честно. Всегда кажется, что могло бы быть и лучше. А она пилит и улыбается. А я, говорит, люблю. Тут есть один такой момент забавный, как два родственника по Колиной линии, бухие в сраку, танцуют лезгинку. Обращала внимание? Так вот их уже нет в живых, а на видео все танцуют. Вот в чем загадка вечности

Она разрыдалась прямо в овощном отделе «Сельпо». Просто стояла и выла как белуга. Вспомнила, как они с ним вместе покупали тут базилик и болгарские перцы. По сей день не ест болгарские перцы. А с тех пор, как переехала в провинцию, ни разу даже не видела в продаже базилик. Это бодрит.

- Не то, чтобы я его любила, - уверяет меня, смотрит в глаза так, будто пытается сама себя разоблачить во лжи, – просто, теплые такие воспоминания. У нас квартира была очень хорошая. Прямо возле метро. И теплая, несмотря на то, что угловая. Больше в моей жизни не было таких теплых квартир. Потом я переехала на ст. метро Черниговскую, вообще стала на маршрутке до метро добираться. А мне эта Черниговская на Глухов прям похожа. Такая же дыра, только если сильно поискать – можно найти метро, но в целом оно не нужно ни в Глухове, ни на той Черниговской.

И когда я устаю от ее бреда, просто веду в ближайший продуктовый и показываю на болгарские перцы. Опять начинает выть как белуга. А недавно выложила в Инстаграмм разноцветные фаршированные перцы, щедро политые сметаной. По хештегам поняла, что [#прошлое](#) #в [#прошлом](#) [#разлюбила](#) .

Мы с ним идем такие на эмоциях, после концерта Стив Вая, и тут под ноги бросается собака, переворачивается на спину и начинает сдыхать. Прямо так эффектно, с пеной со рта. А он переступил через нее, как ни в чем не бывало, и ничего даже не сказал. Даже для приличия. И я подумала: господи, вот так однажды он и через меня переступит. Мы пришли домой, я перекурила, собрала вещи и вызвала такси. Он даже и не заметил, наверное. Через два дня позвонил и попросил лучше закручивать кран, а то он зашел в ванную и обнаружил, что счетчик мотает как бешеный, кран течет. Два дня до этого, получается, не заходил, что ли? То ли не мылся, то ли где-то в другом месте себе банный день замутил. Но я подумаю об этом завтра. Представляешь, собака сдыхает, а он переступил и не сказал ни слова.

Если бы он мне принес таких цветов на подарок, я бы его нахер послала. Что он там еще принес? Сирень? Как на 9 мая. Сирень и нарциссы. Ну да, конечно. Вылитое тебе 9 мая. Не удивительно, что он ассоциирует ваши отношения с Великой Отечественной Войной: маленькое недоразумение в виде СССР случайно победило Великую Германию, воспользовавшись ее секундной слабостью и потерей бдительности.

Игорь устроился на работу оператором, и уже третьи сутки ему снится, что он забывает открыть объектив перед съемкой. А сегодня прилег днем, и приснилось, что подходит к нему директор телеканала и говорит: «Вы знаете, как хорошо, что вы не открыли объектив. Какой все таки мурак наш президент, такого только закрытым объективом и снимать». Проснулся, и сразу как-то понял, что судьба к нему благосклонна, все в порядке, он на своем месте.

У нас дома есть кондиционер. И еще я над кроватью наклеила светящиеся звездочки, - говорит Ира, а он смотрит на нее и улыбается. Хочет потрогать каждую ее веснушку – настоящая или нет. А если сотрется. Как приятно, что она не замазывает их тональным кремом. А что если подуть на них? Разлетятся? Нет, надо сначала проверить – свежее ли дыхание.

Было бы им лет по 18 – хотел бы просто выебать, а в 12 еще теплится на сердце какая-то романтика, хотя он уже отметил, как она сексуально наматывает на нос рыжие кудряшки и щурится, смотрит сквозь них на доску. Там написано сегодняшнее число, которое он, конечно же, не обведет в календарике на линейке, а хотелось бы. Но потом пацаны спросят – что это? Придется врать. Не скажешь же, что это день, когда захотелось потрогать ее веснушки. А любовь со лжи начинать нельзя. Впрочем, как и из трусости. Это ему батя говорил, когда уходил навсегда к тете Рае, нашей участковой докторше.

Если бы я жила в Шостке, то вечно бы ошивалась в 5 утра на вокзале ст. Воронежской. Оттуда всегда уезжают сонные смешные люди. Они такие дохлые, слабые, как будто только выродились на свет, но уже были приставлены к чемоданам с трусами и зубной щеткой. А еще там много цыган, бомжей, попрошаек. Эти вызывают симпатию. В них есть что-то от собак – верных, хоть и кусачих. И вот я бы ходила на тот ж/д вокзал, как Диккенс, который в свое время ошивался под моргами, потому что его вдохновляли трупы. Ну, были бы у нас такие открытые морги – и я бы ходила. А так только вокзалы и дом культуры.

Ее мама думала, что теперь, когда в доме появился мужик, ей будет с кем выпить и стихи почитать, об искусстве поговорить. А я, ты ж знаешь, не по этим делам. Я землю люблю, картошку садить люблю. Рассада у меня мировая. Что угодно есть, даже белые огурцы. Португальские. Она теперь Ире выносит мозг постоянно: «Если бы я знала, что ты выйдешь замуж за агронома – я бы лучше аборт сделала». А деревенские все пьют. Она думала – уедем с Ирой в деревню, я там пуцусь во все тяжкие, да не тут то было. Я как посмотрю, как они там все в селе мрут, говорю теще: «Вы с таким аппетитом к крепким алкогольным напиткам скоро ничем не будете отличаться от среднестатистического деревенского алкаша, а я в вас верю, как в нормальную женщину», на что она наливает себе еще 50, закусывает добрячим шматом лимона, выдыхает и показывает мне такую огромную казацкую дулю. Прямо дулище такое, дуло, я бы сказал. Вот тебе, говорит, зятек. А когда не в настроении, еще и плюнет на нее, для пуцего эффекта. Я вообще не пойму, как это прожить всю жизнь в пгт и к земле не приучиться?

у меня был ПМС, а меня отправили по работе на конференцию, где обсуждали тему развития города. И такие у всех еблалощеные, все улыбаются, аж противно. И все говорят о деньгах и о патриотизме. Начали проводить опрос в такой игровой форме, мол, если бы вам дали миллион, что бы вы прежде всего сделали для города? А я встала такая и говорю: «Дайте мне миллион, и я кучу наложу на ваш город, и листом рябиновым прикрою.

Пидарасы, - говорю, - строите тут из себя икону благотворительности. Да на хую я б вас всех тут вертела, если бы мне миллион дали. Я бы уже на Кубе матэ съорбала и в жопу питательный крем втирала». Потом мне вечером директор звонит, говорит, мол, Катенька, может вам отдохнуть надо? Давайте я вам отпуск дам, только не уходите в загул, вы нам еще нужны с вашим креативом. А я прям ржала до ночи. Это ж надо, думаю, вырядить такое. Еще и рябиновым листом. Чего хоть рябиновым – хуй его знает?

В школе, когда проходили «Страшную месть», мой сосед по парте обоссрался. Ну, вряд ли он из-за фантазии Гоголя, просто, может пукнуть легонько хотел или в туалет по правде припекло, мало ли. Он все крутился, крутился, а Татьяна Николаевна ему все замечания делала, мол, куда ты, Лешик, мать твою дрыном, я тут читаю как раз, когда мертвецы руки к небу протягивают. И он обоссрался. Так нам потом даже сочинение на тему «Страшная месть» отменили. Я щас даже не знаю, есть ли в программе современной школы это произведение. Еще бы Бодлера этого убрали, Гете. Нахуя оно надо? Мы в школе учили про какую-то трубку Гайяваты, про какие-то цветы зла. Что это такое – по сей день не пойму. Как из тумана потом выходишь из класса, и думаешь – нахуя я родился вообще, если такой тупой? Первые суицидальные мысли, первый онанизм на нервной почве.

Анна Матвеевна – соседка наша, была женщиной властной, себе на уме. И сына Никиту воспитывала так, что он уже от нее даже в армию сбежал, хотя не имел к этому никаких данных. Его там били постоянно, а он терпел, лишь бы только не к маменьке возвращаться. Да и куда уж теперь дезертировать. И так за мужика не считали. Он до 34-х и прожил с ней в одной квартире, однокомнатной, даже бабу не мог поебать толком, потому что она его дома больше чем на час не оставляла, а Никите, видимо, больше часа надо было, чтобы бабу раздуплить. Помню, он возвращается из универа, а она кричит с балкона: «Котя, давай быстрее, супчик уже налила!». В маршрутке могла у него, у лба здорового спросить, хочет ли он какать. Мол, если хочет, она с водителем договорится, и тот остановит, где надо. А там не дай бог девочки молоденькие, ужас какой. А когда-то в универмаге выбирала ему штаны и попросила сказать, не жмет ли ему в писюнчик. Он те штаны снял, в морду ей бросил, она потом с ним не разговаривала неделю, до невроза довела. Через соседей и родственников просила, чтобы он перед ней извинился. Так и вырос недотепой из-за матери. В интернете только воевал со всеми подряд, а из дому, бывало, выйдет, сутулится, стеснительный такой, замкнутый. Зимой Анна Матвеевна ему даже в магазин не разрешала выйти, чтобы не простудился. И вот, когда она померла, Никита написал в своем блоге: «Ну что ж, мама умерла. Туда ей и дорога. Наконец-то заживу по-человечески, а то как лох». Мне Анька как прислала ссылку, я в ауте была. Мы подумали, может у него с горя крыша поехала. Это ж надо такое о матери написать. А он через неделю привел бабу в дом, Алену какую-то. Красивая такая, сракатая. Щас в больницу с ней ходит, видимо уже беременная. На работу быстро устроился, башковитый, говорят. Он с моей сестрой теперь за стенкой в пенсионном. Говорит, все к нему ходят с цифрами разбираться. Да и Алена эта такая приятная, совсем не такая, как Анна Матвеевна рассказывала. Я тут Никиту недавно встретила, а он несется по морозу, краснощекий, без шапки, лыбится. Ну что ты, спрашиваю, как дела? «Зажил!, - говорит, - ремонт делаем, спешу, Нинка, прости!». Вот так вот. Егор у меня растет, так я задумалась.

Моя бабушка собрала себе на похорон столько одежды, будто бы она на том свете собралась открывать ретро-бутик. Главное, тапки все такие хорошие, качественные, 4 пары. Мы с сестрой их поделили, себе взяли, а ей положили китайские. Какая разница в чем лежать? Ну а если там все как-то по-другому, так что, тапок ей уже не выделяют нормальных? Не такая уже она хабалка была при жизни, грешила как все. А потом бабушка сестре приснилась. Говорит: «Ах вы ж пиздорванки! Мало вам было моей пенсии? Мало я вам птицы перерезала на именины? Мало отписала? Подавитесь вы теми тапками!». Сестра пришла ко мне такая страшная, непричесанная, с двумя лопатами. Пойдем, говорит, зароем нахуй эти тапки. И мы пошли и закопали ей прямо под свежий холмик земли. А потом она мне уже приснилась, улыбалась, всем приветы передавала. Так что, все таки есть какая-то связь этого мира с тем. Я вот даже щас тебе рассказываю, а у меня будто за спиной эта пизда старая в тапках стоит, сопит.

Дед для внуков перед окнами делает мини-каток. Вычистил лопатой, залил водой. А самая малая, тем временем, с подачи старшего брата лизнула трубу. Стоит плачет. Мы с Костей смотрим на все это, и я спрашиваю у него: «Вот ты хочешь, чтобы у нас были дети?». Он морщит лоб, прям видно муки такие на лице, что я говорю: «Ой, слушай, да я просто так спросила, я и сама не хочу. Мы с тобой еще сами как дети. Нам бы еще самим на катке жопами ездить». А он прижмурился и говорит: «Ты знаешь, Наташа, я вот смотрю и думаю: как я теперь, блядь, из-за этого мудака с лопатой разворачиваться буду?». И я тогда впервые подумала, что нам надо расстаться. А он даже не почувствовал ничего. Все сидел и наблюдал за дедом, щурился, злился, даже вспотел.

Мы с ней в универе были в одного и того же мальчика влюблены. Плакали за ним, напивались, даже побились когда-то. Я туфли сняла и отхуярила ее. Била по чем зря. Ну тот мальчик ахуевал с нас, нашел себе спокойную уравновешенную девицу, сделал ей ребенка. А теперь вот нашла его на «Одноклассниках», смотрю – пузо, лысина, какой-то неухоженный, пиджачок-то вроде ниче так, не совсем вытерт и стар, а рукава коротенькие. Видно, в сэконде брали. А мой Гриша хоть и носат, но зато еще ого-го. И одевается – дай боже любой бабе столько перед зеркалом прихорашиваться. А все равно выйдет на улицу – а ширинка расстегнута. Ну то такое. Там хоть не стыдно, если что-то выпадет. Благо, есть чему выпасть. А если этот выйдет – сразу все понятно. И еще мне кажется, хер у него короткий. Вот не знаю, почему, интуиция подсказывает.

Приезжаешь к родственникам в провинцию, а они там все сидят с каменными лицами, лук чистят, и смотрят «Рассмеши смешного». И никто не смеется, ни ведущие, ни родственники. И я тоже не смеюсь. Спрашиваю, может помочь что-то? А помогать не хочется, просто, ради приличия спрашиваю. Ну и они приличия ради отвечают, что ничего им не надо помогать. И сидим с каменными лицами, как на похоронах. И ковры везде, как гробик расписной. А потом уже за столом по первой как выпьем, так настроение и улучшится у всех на пару минут. Но потом снова идет на спад. И я понял, почему в провинции все так хуярят мощно. Там же иначе нельзя людьми очароваться. А так выпил – и вроде уже ёбла не такие отвратительные. Там вот алкаши живут дольше, чем простые рабочие. А все почему? У них карма чище. У них в сердце любовь живет, не успевает выветриться. А простой рабочий что? Погулял на застолье, а утром встал - и жить не хочется с бодунища. Так бы всех и перебашил в сердцах. А этого карма не любит, дырявится. Отсюда и рак, и СПИД, и гепатиты. Но долго я в провинции не могу быть хорошим и всех любить. Мне печень жаль, например. Возвращаюсь потом в столицу, в привычную среду. В столице как-то не так критично к карме относятся. Тут без ненависти не выживешь. А в провинции наоборот – ненавидя, не приживешься. Такую вот я философию подчерпнул там. Трое суток в запое был.

В нашем магазине вы сможете посадить своего ребенка на эти мягкие кресла, а сами выбрать себе новую модель смартфона. Лучше «Самсунг». «Самсунги» щас очень хорошо работают. Лучше, чем «Нокии». Это раньше «Нокии» были самыми популярными, но «Самсунги» их переплюнули.

- а если обоссется?

- кто?

- ну Миша мой. Если обоссется? Шо я тогда буду с креслами вашими делать? Повесите на меня такую сумму, шо штанов не хватит выплатить. Нет уж, пусть со мной ходит. Миша, отойди оттуда! Мне вообще нужен чехол на телефон. Свекрови.

Пиздюрку какую-то дайте мне, шоб не дорого, но красиво, и шоб на второй день не порвался.

- у нас есть стандартные по 60 гривен. Черные. Без узоров. А есть вот... Танечка, покажите!

- я карточку обрезаю, мась, извини.

Продавец-консультант в желтой измятой футболке нехотя проворачивает ключ и вытаскивает из шкафа целый ящик уцененных чехлов.

- шо у вас такая музыка противная играет? Прямо бесит. Неужели нет чего-то повеселее, жизнерадостнее? – раздраженно оглядывается женщина в сером пальто, одной рукой перебирая чехлы, другой - держа сонного мальчика Мишу за курточку.

- это «Радио-релакс», - вздыхает продавец-консультант.

- Гавно какое, боже ты мой, - говорит женщина, и перебирает чехлы еще раздражительнее.

А я вот, когда первый раз делала минет, у меня рвотного рефлекса вообще не было. Это генетика. У меня же отец в цирке шпаги глотал. Всю жизнь. А умер от цирроза печени.

- значит, тебе тоже надо было в цирке работать, а не вот здесь вот. В этой дыре. Тут даже мужиков нормальных нет. Жаль, когда некуда применить свои таланты.

Лера и Тоня сидели на ящиках и выпивали.

- ну а че плохого-то? В тепле, среди людей, к продуктам доступ.

Заказала у торговых представителей все свежее перед праздниками, не переплатила ни хуя. А в цирке что? Вот отец из цирка только обруч принес и ящик шпаг. Ржавые, сука, уже не продать даже. Мы с Танюхой карнавальные костюмы думали шить детям, на продажу. Мушкетеры там, хуё-маё. И шпага туда бы в самый раз. Так они ж ржавые, аж страшно. И куда их теперь? Ну обруч ладно, Танюха крутит. А если ты думаешь, что мне глубину горла некуда применить, так щас, погоди.

Лера закрыла бутылку «Гамянки», прихлопнула хорошо ладошкой и опрокинула себе в горло. Бутылка начала тонуть во рту мягко и плавно.

- ну как? Круто? Але-оп! На арене цирка выступала Самохина Валерия Андреевна. Аплодисменты, пожалуйста.

Тоня ржала и хлопала.

- Ну ты и лошадь. Я сцу, блядь. Давай выпьем.

Лера снова откупорила бутылку и разлила вино по бумажным стаканчикам.

Я печенье ніколи не розуміла як продукт. Це гомно, я вважаю. І торт. Торт теж гомно. Крім "Київського" справжнього, бо Сумський "Київський" - це теж гомно. А печенье - це таке ото, ні в душі, ні в серці. Гомно. З'їв його і нічого не розумів. Я дивлюся, що ти теж не сильно на його падка, то у тебе все таки мої гени. Бо батько печенье любив.

На новый год не пошла в гости. Сидела дома и смотрела все выпуски «Школы Злословия». И там такая пизда тупая пришла – Божена Рынска. Говорит, надо, чтобы в школе учили ухаживать за кашемиром, а не это вот все. Я так смеялась. Вот, думаю, легко ей, наверное, живется. Не то что я – два образования, сын дибил, муж... объелся груш еще сто лет назад. Вышла в ночник, купила себе бутылку бехеровки и колечко колбасы. А продавщица еще торт впарила. Возьмите, говорит, мол, брали с запасом, и один остался, никому уже не надо. Так я взяла, пришла домой, выпила бутылку бехеровки, закусила тортом, а колбасу собакам с балкона разбросала по кусочкам. Встала утром, башка трещит, вся жопа в какой-то пыли, в шерсти. Какой, думаю, нахуй, кашемир. Хорошо, что я живу в свое время, ей богу.

Когда Лариса развелась с мужем, весь маркетинговый отдел всполошился не на шутку. «Это же она теперь весь отдел перетрахаёт, всех наших мужиков», - говорила Татьяна Львовна, кадровик, хватаясь на горло от невроза. «Она же только потому и развелась, что он ей блядовать запрещал. Ты вспомни, какая она профура была, да?». И все женщины качали головами, а Люся, дизайнер, даже позвонила своему мужу в соседний кабинет и сказала: «Котик, я тебя люблю. Давай сегодня выпьем пива с рыбкой, сегодня такой день!». Тактика Люси остальным женщинам понравилась, и все начали звонить своим мужьям, даже те, у которых мужья работали не в этой организации. Все предлагали пива, рыбки, интересовались успехами на работе и искренне жалели своих мужчин, учитывая, как тяжело им приходится влачить это жалкое существование в наше-то время.

Мужья недоумевали, откуда столько нежности и заботы, растерянно «угукали» в трубку и чавкали холодными макаронами по-флотски, которые утром небрежно насыпались их женами в модные силиконовые судочки. В тот день все возненавидели Ларису, а Лариса наоборот - ощутила к мужчинам отвращение, и не собиралась ни с кем вступать в сомнительные половые связи. Ей хотелось тишины и покоя. А еще лучше – отпуск. Но отпуск Ларисе никто не давал, она уже ходила прошлой весной. Поэтому пришлось просто сменить прическу, чтобы хоть как-то ощутить веяние новой жизни. Увидев Ларису со стильным карэ, все бабы из отдела просто встали и вышли, оставив ее одну в кабинете. «Ахуеть», - подумала Лариса, и села работать. А потом все стали потихоньку возвращаться, но никто не разговаривал, никто даже не вздыхал. Только у Милы изредка урчало в животе от волнения.

И когда Лариса запостила на «Одноклассниках» картинку, на которой весь смысл сводился к тому, что все мужики козлы, и теперь она будет жить для себя – весь отдел выдохнул. «Ларочка, тебе, может, чаю сделать? А то ты заторможенная такая», - приобняла ее за плечи Люся. И все поспешили последовать тактике Люси, ведь она мудрая женщина, эзотерические сайты читает. А к обеду все уже сидели за одним столом, разговаривали о жизни и завидовали Ларисе, что теперь она может наконец-то пожить в свое удовольствие, а не то что они, обремененные бытом, детьми и родственниками. А Татьяна Львовна даже

назвала своего мужа вонючим поцом, чтобы Лариса ощутила масштаб его трагедии и не имела на него виды как на любовника. «Да у него уже даже хер не стоит», - выкрикнула она в сердцах, а Люся подтвердила, и сразу же исправилась, мол, она имела ввиду своего дурака. За обедом обнаружилось, что у Тони муж страдает психическим расстройством, и во время секса пытается ее убить, у мужа Маши псориаз, а Коля – муж бухгалтера Леси – тот вообще сутками играет в танки, и ему некогда даже бросить пару палок родной жене. Лариса лениво ковыряла «Наполеон» и думала о своем. Ей хотелось в Индию и наконец-то выспаться. «Девчата, компот свежий, только сварился, еще горячий. Будете?». Все радостно закивали и взяли по компоту. «Ларочка, за тебя и за нас красивых». Все выпили и по привычке скривились. Буфетчица заботливо собирала посуду и улыбалась.

Он дотошный, сука. Ко всему доебется. В очереди стоим, а он говорит впереди стоящему мужику: «Послушайте, вы на такое отвратительное масло деньги тратите. Да что там деньги? Жизнь!

Это же не масло даже. Вы же себя убиваете холестерином и всякой химией». Ну мужик ему сначала по-нормальному отвечает, мол, денег нет, то да сё, а потом все таки пошлет к ебаной матери. А был случай, как в гостях ему анекдот рассказали: «Из больницы сбежали пациенты с расстройством кишечника, но их уже поймали по горячим следам». Все посмеялись, ну хотя бы из чувства такта и приличия, а он говорит: «Нет, ну это глупый анекдот. Смысл за уши притянут.

Чего они сбегали-то? Чего им не лежалось? Да еще и с такой болячкой. Понятно, что далеко не убежали. Но меня даже не это смущает, а сама идея побега. Еще и массового, судя по всему. Тьху, глупые какие щас анекдоты, прям для дибиллов сочиняют».

А я стою, мне так стыдно перед теми, кто шутку оценил, посмеялся. Домой молча шли. Дома я сразу спать легла.

Он нанюханый. Я сразу поняла по тому, как у него глазки бегают, руки трепает, плечи дергаются, куда-то спешит, летит. Сели в кафе, заказали вина, а он говорит: «Да ну нахуй, синька зло, надо быть очарованным окружающим миром», а сама понимаю, что его пиздует не по-детски. Я, говорит, просто спортом занимаюсь, и у меня непереводящийся в крови адреналин. Мол, когда бегу на стадионе, всегда представляю, что соревнуюсь с кем-то и прибегаю первым. А потом все таки выпил и вообще такую хуйню начал городить. Потом пошел в туалет и вышел снова как живой. Я тебе отвечаю, он принимает. Спорт не может так воодушевлять нормального человека. Ну или он ебанут. Что он там делал в туалете? Отжимался на бачке? Хуй там. Фенчика нюхнул и реабилитировался. Спортсмен, епта. Видала я таких спортсменов. Я сама когда-то села в тачку к чуваку, чтоб на работу подвез, он мне дал фена понюхать, мол, девушка, понедельник – день тяжелый, все такое. Я потом прихожу в издательство, а на мне цепочки золотой с крестиком нет.

Этот еблан добавляет в друзья актрис. Николь Кидман ему лайки ставит, Мила Кунис. Я говорю, мол, ты че, это же развод. Ты реально думаешь, что Николь Кидман заценила твое потное ебало в рэсторане на крестинах? Может она, конечно, и хочет поближе к народу, но не до такой же степени. Дай-ка, думает Николь, зайду к своему виртуальному другану из Глухова, посмотрю, как он провел выходные. О, ахуеть, думает, одиннадцать одинаковых фоток в багажнике с пивом «Львівське різдвяне». Молодчага. И потом оденется, пойдет в ближайший бар и ебанет за твое здоровье, шоб ты жил не один год еще в таком темпе. Такой он у меня далекий, Лена, ей богу. Порой даже разозлиться лень, как будто что-то поменяется.

«Любить иных тяжелый крест. А ты прекрасна без извилин». Вот, собственно, и все, что хотел написать Пастернак о своей бабе. Мол, она его и без мозгов устраивает, лишь бы была пизденка рабочая. А в музее так рассказывают, типа там великий философский смысл заложен. Откуда они знают, что Пастернак туда заложил? Вообще, бесит, ты знаешь... Вот даже в этой всей архитектуре. Может архитектор вовсе и не хотел ничего шифровать. Просто, вылепил дракона, потому что нормальное животное ему не под силу, а хуй знает, какие там драконы тогда были. Разных видов же, можно нафантазировать. У меня мать точно так же – как торты лепить – так она ас. А как яичницу поджарить – она у нее сто раз пригорит, и вообще, как подошва получается. Так и архитектор. Может он там собаку хотел вылепить, а она не получилась. Ебанул дракона. А они там стоят с умным видом – барокко, рококо, тьху. Можен он вообще после запоя был, ему жить не хотелось. И Пастернак тоже нормальный мужик был, мне кажется, а не это вот все.

Приятно, что он такой у тебя галантный. Хоть и терпеть меня не может, а все равно видишь: «Проходите, Алена, располагайтесь». А мой не такой. Мой вообще не выходит из-за компа. Ему хоть в рот насри – все не так. Мастера пришли раковину чинить, так он даже не вышел. Говорю, пойдя там посмотри хоть, поучись, как они делают. А он мне говорит: «Окей, а потом я их буду обучать работе в 1С. Да и вообще, чего я там учиться-то буду, пусть так сделают, чтобы больше не ломалось». И когда ко мне мой Рафик ссориться приходил, вернуть меня хотел, я говорю – Константин, выйди ему хоть морду набей, что ли. Так он вообще не отреагировал никак. Мы с Рафиком стали на лестничной площадке, перекурили, все перетерли, че да как. Так он еще двери на замок закрыл. Я потом постучала, говорю, ты че долбоеб совсем, а если бы он меня там убивать начал? Ой, говорит, извини. Я думал, что ты в магазин ушла, а двери как всегда не закрыла.

На день защитника отечества хотела заказать ему проститутку. Я читала в женских журналах, что это щас модно, типа по-европейски. С одной стороны мужику приятно, а с другой он как бы задумывается – хм, если она так с легкостью под меня подкладывает другую бабу, значит, не особо то она будет за мной сцать, если я найду себе кого-то на стороне. Видишь, какая-то мудрая женщина это придумала. И вот я на Мамбе с пышной брюнеткой познакомилась, говорю, мол, так и так, только вы его там не сильно это самое... чтобы не забалдел. А она такая на фото ниче. Колготы в сеточку, все как надо. О цене договорились, а потом как-то так начали переписываться о том, о сем, и поняли, что у нас много общих друзей. Мы, оказывается, работали когда-то в соседних магазинах на Либидской, даже в курилке могли пересекаться. Надо же, говорю, а что ж вы теперь так зарабатываете, ничего лучшего не подвернулось? Это, говорит, работа для души. А работает уже в другом магазине, на Палаце. Встретились с ней потом, кофе попили, я ей деньги отдаю, а она такая: «Ой, да что вы. Не буду я с вас денег брать. Мы вот с вами переписывались, так прям сроднились, у меня уже и азарт пропал. Вы же понимаете, что в этом деле важна спонтанность, риск. А то мы вот с вами кофе выпили, а теперь собирайся как будто не на ебельку, а на лечебные процедуры». Я, конечно, сначала расстроилась, но потом поняла, что это знак, и купила мужу хорошие белорусские трусы и туалетную воду. Аж трусило всю, думаю, блядь, я тоже еще – придумала что подарить. Слава богу, что бог меня отвел от греха. И Катя – такая баба хорошая, по сей день переписываемся.

Она мне теперь пишет: «Максим, когда тебе будет грустно, зайди ко мне на страницу, и вспомни все хорошее, что у нас было».

Пиздец. Ниче у нас хорошего не было. Сопли, слезы, хуета. Я ей сразу сказал – Оля, мне ебаться с тобой нравится, а в отношения я ввязываться не способен. И дело не в тебе, дело во мне. Я еблан, если тебе так удобно. Я люблю прийти с работы, упасть на кровать и чтобы никто до 10-ти вечера мозг не ёб, а потом пиццу закажу, пивка, и в ютубе зависаю, а хуле. Мне норм. Я так уже 11 лет живу, я устоявшийся холостяк. У меня работа такая, что врагу не пожелаешь. Ты хорошая баба, говорю, найди себе кого-то такого же хорошего. И ебешься ты достойно, есть чем восхититься. Ну если тебя не устраивают такие отношения, то не соглашайся на секс, никто же тебя за руки не тащит». Нет, не понимает. Упертая сука. Зашел к ней на страницу, а там розыгрыш каких-то наушников и куча статусов из паблика «Сука, я святая». И что меня там должно было развеселить? Я еще больше впал в уныние и убедился, какая она тупая. Говно такое постит себе на стену, я вообще от ее новостей отписался.

Уебанство, блядь. И ебать расхотелось.

Мама нам снова котика принесла. На улице, говорит, нашла. У него хвостика нету, глазика нету, покоцанный какой-то. «На папку нашего похож», - пошутила мама. Ахуеть, думаю. У нас уже есть 6 котов и две собачки, и все животные какие-то ненормальные с виду. Такое впечатление, что мать находит на улице зверей, похожих на всех своих мужиков и тащит их в дом. Коллекционирует, что ли. Потом чучела из них поделает и будет хуесосить, так как они ее в свое время.

Гавно и бык. Пизда просто. Понимаешь, я такая злая, что не передать словами. Он не приехал меня встречать на вокзал. Я как дура таскалась с теми сумками, заблудилась еще на Соломенке в переходе. Сука, там куча выходов, и я ни разу в свой не зашла. Ко мне доебался какой-то немой, что-то мне показывает на пальцах.

Я ему говорю – бля, где тут выход к книжному? Он мне показывает на уши, типа, он еще глухой. Ай, пиздец, говорю, ты красавчик ваще. Спасибо, навигатор запредельный! А самое страшное, что у меня в сумке начали вонять котлеты. Знаешь, такой блядский запах дальней дороги, вперемешку с фаршем. Фу, со студенческих лет не переносу. И я бегаю по тому переходу, потная, мокрая. Чувствую, как майка противно липнет к телу, и холодно, сука, зима. А он спал. Прикинь. Даже двери открыл не с первого раза. Я тогда уже, в принципе, поняла, что эти отношения обречены, а уже в обед он мне сказал, что жить он со мной не хочет, и что я заебала его своей провинциальной сноровкой, котлетами этими домашними, кабачковой икрой. Собрался и ушел. Заплатил за квартиру наперед за два месяца и ушел.

Я так ее люблю, что мне даже страшно. Я просыпаюсь и поверить не могу, что вот она – та самая Татьяна лежит в моей кровати. И не надоела еще, потому что никогда не знаешь, что он нее ожидать. Она вообще такая.. может собраться, уехать куда-то. Потом звонит уже из Кировограда. Хуй его знает, что она там делает. Дела, говорит. Потом приезжает, вообще не помнит, что с ней было. Мне мать говорит, что это похоже на маниакально-депрессивный психоз и страсть к бродяжничеству, просит, чтобы прежде чем детей заводить, мы Тане голову посветили. Я в шоке. Чего только не придумывают свекрови о невестках. Ну и пусть. Я тоже не так прост, как кажусь. Может, у нас потому такой крепкий союз. Я вот видишь, пририсовал Тане крылья в фотошопе, потому что она ангел. А еще хочу сделать такую фотку с указателями всех тех городов, где она была, но сама не помнит. Ей будет приятно, наверное. На годовщину подарю.

Мне сестра, как набухается, так сразу начинает рассказывать, что в ее возрасте Салтыкова уже сольную карьеру начала, а она все на флейте своей пластмассовой дудит. И то, пришлось поневоле. Говорят, грех, когда инструмент в доме есть, а на нем никто не играет. А флейту эту ей Димон подарил, чтобы она училась ему изысканный минет делать. Ноты еще притарабанил. Говорит, заодно можешь, Света, разучить песню «В горнице моей светло». Так она обиделась, выгнала его. Потом назад приняла. Но потом все равно выгнала. Уже не за флейту, я не помню, за что. Так мы с ней сядем, бывает, и она мне давай про ту Салтыкову втирать. Далась ей та Салтыкова. Я ей говорю, мол, знаешь, Света, может Салтыкова сначала на флейте хорошо наловчилась, а ты даже «Горницу» не разучила. Вот сыграй что-то? А? ну она не играет ничего, конечно. Че-то там фють-фють-фють-бздыньк, и все. Отож, говорю, вся и проблема твоя – в лени и в неверии в свои силы. А Ирина работала, у нее цель была. А ты, Света, лошара. Как в том анекдоте, знаешь? Про мужика, типа, ты, мужик, прежде чем в лотерею выиграть, сначала ее купи. Ну или как-то так.

Эта старая падла нашла себе молодого ебарька. Ходит с ним такая в торгово-развлекательный центр, в настольный хоккей играет, покупает ему всякие сладости, чипсы. Жуткое зрелище. Он совсем ребенок. Я как-то видела перед новым годом их в Магеллане. Она смотрит цены на крупы, а он маски зверей примеряет и сэлфи делает. Пиздец, я бы ебанулась от такой жизни. О чем они там вообще разговаривают, как ты думаешь?

В Одессе были на нудистском пляже, и там все одетые, прикинь?
Я познакомилась с местной женщиной, так она говорит: «А шо, сюда хоть меньше приезжего сброда ходит». А потом так неловко улыбнулась и говорит: «Ой, извините, вы наверное тоже приезжая, кошелечек вон у вас к лифчику привязан. Я то сразу и не заметила. А откуда вы? А..., - говорит, - ну Сумская область нас тут пока не сильно притесняет, я мало кого знаю из Сумской области. А кошелечек отвяжите, а то купаться пойдете - забудете, волной снесет».

Новый год – новая книга
Короткие стихи в прозе в
сборнике Марины
Левандович
Автор раскрывает свой
поэтический дар с
совершенно неожиданной
стороны

«Хожу на маникюр к девочке, и она постоянно мне включает диск со своей свадьбой. Я уже всех наизусть знаю, все лица уже как родные. «Меня вот расслабляет это видео, ты знаешь?», - говорит мне, и пилит неистово мои гелевые ногти. А у меня, говорю, нет свадебного видео. Я не люблю такое смотреть если честно. Всегда кажется, что могло бы быть и лучше. А она пилит и улыбается. А я, говорит, люблю. Тут есть один такой момент забавный, как два родственника по Колиной линии, бухие в сраку, танцуют лезгинку. Обращала внимание? Так вот их уже нет в живых, а на видео все танцуют. Вот в чем загадка вечности»